

ОСТРОВ БЕЗ ПАЛЬМ

ОЛЕГ РАИН

Олег Раин

Остров без пальм

«Издательские решения»

Раин О.

Остров без пальм / О. Раин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519472-5

Семья Ксюши разрушена. В одночасье приходит понимание того, что у нее отнимают маму, отнимают братика. А вскоре Ксюша осознает, что может потерять и свою маленькую родину — поселок у моря с уютным песчаным пляжем, с кладбищем затонувших кораблей, с любимым, похожим на огромного слона холмом. Обстоятельства сильнее девочки, но опускать руки Ксюша не собирается. Она похищает братишку и поселяется с ним на заброшенном корабле — острове без пальм...

ISBN 978-5-00-519472-5

© Раин О.

© Издательские решения

Содержание

ОСТРОВ БЕЗ ПАЛЬМ	6
ОСТРОВ БЕЗ ПАЛЬМ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Остров без пальм

Олег Раин

Иллюстратор Марина Богуславская

© Олег Раин, 2020

© Марина Богуславская, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-9472-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОСТРОВ БЕЗ ПАЛЬМ

ОСТРОВ БЕЗ ПАЛЬМ

*И если жизнь, как осень, коротка,
Я видела (и большего не надо!)
Растерянность отдельного листка
В отчаянном веселье листопада.
Татьяна Кулешова*

Хотите страшилку?

Так вот... Во-первых, меня зовут Ксюша. Дурацкое имя, верно? Но вот родители поломали головы, почесали в затылках и нарекли. Я ведь глупенькая была, – не то, что возразить, вообще говорить не умела.

А во-вторых, месяц назад мне исполнилось тринадцать. Тоже число из нелепых, – ни рыба, ни мясо. Вроде уже не ребенок, но ещё и не человек – чёртова дюжина, словом. А самое грустное, что за эти тринадцать лет я ни разу ни с кем не целовалась. Ни с одним – даже самым сопливым мальчишкой! Честно-честно! Братик Глебушка, конечно, не в счёт, как не в счёт папа с мамой и прочие дальнобойные родственники. На том же западе, по слухам, бой-френдами в одиннадцать лет обзаводятся. В мусульманском мире в этом возрасте и вовсе в жёны берут! Ни школы тебе, ни учёбы муторной, – сразу бац! – и под венец с готовеньким мужем, а там и дети не за горами, – пелёнки, самокаты, мотоциклы, внуки. Но мне вот тринадцать жажнуло, а я до сих пор оставалась одинокая, не целованная – принцесса без перин и горошин. Жила себе, надувала губки – и знать не знала, что главная беда – совсем даже не в отсутствии мальчишек, не в розовых снах и подвенечной фате.

Потому что в один прекрасный день приехал Бизон и забрал нашу маму. Вместе с Глебушкой и парой чемоданов вещей в придачу. Забрал добровольно-принудительно, поскольку мама отправлялась с ним по собственному желанию и нашему нехотению. Только кто нас спрашивал? И Глеба, кстати, тоже никто не спросил. В семь лет таких вопросов вообще не задают, – хватают под мышку и уносят. Всё равно как шляпную коробку или кулёк с мусором.

А потому, хотите знать, что такое тринадцать лет, так я вам объясню. Это тоска и злость в одном флаконе. Это жгучее одиночество, когда вместе с волками хочется встать где-нибудь на лесной окраине и часика два-три повыть на луну. И ещё – это та самая штука, о которой к старости забывают настолько, что не могут потом вспомнить даже по фотографиям и дневникам. Странно, да? Тут, можно сказать, с ума сходишь, страдаешь по полной, а через несколько десятков лет – полная пустота. То ли жил, то ли нет – эффект выветривания. Или как сказали бы ребята из нашего компьютерного класса – нормальное переформатирование. Раз! – и нет ничего. То есть почти ничего. Только мутноватый отблеск на дне памяти. Как зеркальце, утонувшее в водоёме. А уж моё-то утонет, ой, как глубоко. Поскольку мои тринадцать лет превратились в настоящий водораздел. Между заполненным сказками прошлым и седым нахмуренным будущим. Да какой там водораздел! – самый настоящий раздел. Семьи, имущества и всего остального. Как вы понимаете, в число этого «остального» угодила и я.

Потому что приехал этот мерзкий жирный Бизон и... Впрочем, об этом, я, кажется, уже говорила...

Сказать по правде, не таким уж мерзким он был. Иначе – зачем бы мама пошла с ним? Конечно, животастый, с двойным подбородком, зато высоченного роста, плечистый, с властной осанкой. Подобрать такому костюм, думаю, было очень непросто, но он их все-таки где-то

находил или шил на заказ. Думаю, при его деньгах – невыполнимых задач вообще не было. Мы являли собой семью среднего достатка, его же семья наш достаток считала смешным недостатком. И это было объяснимо. Поскольку Бизон обожал деньги. Он ими оклеивал весь видимый и невидимый мир. Свой, разумеется. Кстати, единственные слова, с которыми он обратился ко мне, означали предложение сладкого местечка в его фирме. Я отказалась, а он, похоже, выпал в осадок, хотя внешне этого не показал. Разве что мелькнуло секундное непонимание на лице и погасло. Люди, отказывающиеся от заработка, наверняка, казались ему инопланетянами. Зачем жить, если нельзя вкусно есть, щеголять в барском прикиде, гонять в роскошных лимузинах и отрываться на дорогих курортах? Вот мама, должно быть, его понимала, а я нет. Да что там! – у Бизона даже глаза были похожи на рублёвые монетки – такого же металлического оттенка. Но, ёлки зеленые! – какой мёд они источали, когда Бизон поворачивался к моей матери. Вот на что она клюнула, а вовсе не на деньги. Правда, нам от этого было не легче.

Тратить остаток жизни «в захолустье и нищете» мама решительно не желала, и нас полонили всё равно как арбуз. Это нам, это вам...

Пока мама уговаривала папу не волноваться и не ругаться, Бизон не вмешивался. Кстати, и не Бизоном его звали, а Маратом Аркадьевичем Владимирским. Это я из визитки вычитала. То есть, вычитала и тут же забыла, потому что весь наш посёлок именовал этого человека Бизоном. За тяжёлый нрав, за мощный заговор, за примесь американизма во всем, что он носил,

что пил и ел, во что одевался и на чём ездил. Вот и сейчас двое его помощников, таких же мордастых и рослых, волокли и устраивали мамыны чемоданы в хозяйском «Хаммере». Если кто не знает, то «Хаммер» – это такое огромное корыто на колесах-жерновах. А ещё эта таратайка напоминает культуриста-качка, уважающего пошире расставить руки и ноги. То есть, «Хаммер» настолько широк, что там, где втискивается две «Оки» и запросто развернётся «Нива», он непременно застрянет – все равно как лиса меж двух берёзок. Правда, скорости и мощностей этой прожорливой машине не занимать, и выглядит она как танк. Неудивительно, что люди с байскими комплексами западают именно на этот агрегат, и ни на чём ином развезать по нашим пыльным дорогам Бизон просто не мог. Либо на танке, либо на «Хаммере». Кстати, и фар на его скуластой машине насчитывалось не меньше десятка, и сигнал напоминал рёв слона. Такие джипы я видела по телеку в боевых сводках из Ирака с Афганистаном. Для полной схожести не хватало разве что пулемёта на крыше. Но и без пулемёта мордастый Марат Аркадьевич был способен на агрессию. Он и сейчас подлейшим образом разлучал меня с мамой и братиком. Впрочем, Глебушка, дурачок такой, был уже куплен с потрохами. Моего брата попросту усадили за руль «Хаммера» и дали поиграть с переключением скоростей. Он и взялся играть, абсолютно отрешившись от действительности. Ухал, гудел и фыркал – верно, воображал себя гонщиком серебряной мечты, кривоносым таксистом из фильмов Люка Бессона, водителем космокрейсера и ещё бог знает кем.

Папа же угрюмо стоял на крыльце и сжимал в руках незаряженную бескурковку. То есть, я-то знала, что ружьё не заряжено, а он, вероятно, об этом понятия не имел. О чем вообще может знать человек, когда у него забирают сына и увозят жену? Я не сомневалась, что в голове у него вихрились совсем иные мысли.

– Успокойся, Димочка! Признайся, всё к тому и шло. Зачем себя и других мучить? И, пожалуйста, не при детях... – мама говорила быстро и неубедительно, левой рукой теребя ворот папиной рубашки, правой застёгивая и расстёгивая свой собственный. Циркулем расставив ноги, Бизон стоял на некотором отдалении и с каменным выражением на лице следил за переговорами. Он напоминал этакую базальтовую скалу, а вернее – обелиск из тех, что устанавливают воинам-победителям. Только сам Бизон походил сейчас на оккупанта и захватчика. Поскольку стоял на нашей территории возле грядки с цветами, посаженными когда-то мамой – всего-то в нескольких шагах от нашего домика. В один из моментов до отца тоже дошла эта простая и обидная мысль. Потому что, не дослушав маму, он быстро вскинул ружьё и прицелился в Бизона. Я одна сохранила спокойствие, все прочие восприняли происходящее вполне серьёзно. Мама с криком ударила по стволу снизу вверх, Бизон пружинисто присел, а ружьё всего-навсего сухо щёлкнуло – точно переломили тоненькую веточку.

– Псих... – Бизон отер лоб рукавом пиджака, по-борцовски поворочал шеей. Голова его, напоминающая шишковатый валун, тяжело повернулась справа налево. Казалось странным, что при этом не слышится каменный скрежет. Очевидно, что ни остеохондрозом, ни радикулитом этот человек не страдал.

– Шизоид, – снова пробурчал Бизон и скупно улыбнулся. Похоже, поступок отца ему даже понравился. Он как бы развязывал ему руки. А то получалось, что Бизон приехал сюда на своем бульдозере-джипе – да не один, а с помощниками, да ещё развязал боевые действия, начал брать пленных – и все это в войне против маленькой беззащитной семьи. Теперь неожиданно выяснилось, что не такая уж беззащитная она была – эта семейка местных Адамсов. Значит, шансы уравнивались, и совершаемые действия становились как бы честными и правомерными.

– Забрать у него винтарь? – поинтересовался один из помощников. Бизон кивнул, и стриженный секьюрити, приблизившись к отцу, выхватил из его рук двустволку. Отец не воспротивился. Только на один-единственный «выстрел» его и хватило.

Помощник Бизона переломил ружьё, заглянул внутрь, даже понюхал.

– Да из него уже, считай, год не стреляли, – сообщил он. – И патронник пуст... Конфискуем?

– Верни, – Бизон поморщился. – Поставь куда подальше... Наташ, нам пора.

Он обращался к маме не то чтобы по-хозяйски, однако с той ноткой властности, что обычно выдает любого начальника. Я увидела, как перекошилось папино лицо, и, перебежав двор, торопливо обняла его за плечи.

– Не надо, Дима, – мама снова погладила отца по груди. – Не надо при детях...

Она явно не знала, что можно сказать ещё.

– За Глебушкой мы будем, конечно, присматривать. Ты, Ксюша, тоже присматривай... За отцом. И хорошо учись, прибирайся по дому, салаты готовь...

Конечно! Хорошо учиться, прибираться и готовить салаты – это было сейчас самым важным! У меня даже слёзы на глаза навернулись. Но, совершив жуткое усилие, я их сглотнула. Прямо глазами втянула обратно. Не хватало ещё, чтобы Бизон увидел, как я реву!

– Ты когда-нибудь приедешь к нам? – все же спросила я. Спросила ужасным скрипучим голосом. То есть, хотела спросить по-человечески, но голос – он всегда такой – отказывает в самые ответственные минуты.

– Конечно, приеду! – фальшиво заулыбалась мама. И даже руками всплеснула. Мне сразу стало понятно, что приезжать сюда она не собирается. Это папа любил наш дом, каждый год обустроивал террасу, без конца поправлял виноградные побеги, сажал в саду то груши, то яблони, скрещивал там что-то с чем-то, за айвой привёз хурму с инжиром, выделил место для кукурузы. Строил, короче говоря, рай в шалаше. Маме же наш «шалаш» никогда особенно не нравился. Исключение представляли цветы на двух её грядках, да, пожалуй, ещё гамак под раскидистой яблоней, на котором втроем с Глебушкой и очередным женским романом она любила покачиваться в полуденную жару. Я скрипнула зубами и сжала папины плечи покрепче.

Вот так в жизни и получается: проектируют полнометражный высотный дом, а строят сарай, мечтают о рае, а получают маленький и неказистый ад. Я бы даже сказала – «адик», поскольку на полноценный ад наши адики обычно не тянут. Но для ссор, развода и боксерских раундов этого вполне хватает.

– Кстати, вы тоже можете приезжать к Глебу! – восторженно сказала мама. – Хоть каждую неделю. Он будет очень рад...

– Наташ! – снова позвал Бизон, и я испытала приступ ярости. Даже попрощаться по-человечески нам не давали! Тоже, наверное, могла бы схватить ружьё, как папа. И выстрелила бы! – только уже по-настоящему, – патроны-то лежали не в чьём-нибудь, а в моём кармане. Но, конечно, ничего этого я делать не стала. Потому что все было бесполезно, и от стрельбы никто бы ничего не выиграл.

Под нашими молчаливыми взорами мама вышла за калитку, с грацией голливудской звезды забралась в джип. Машина, кстати, ей тоже шла. Как шло всё то, что она надевала. Мама вообще была яркой женщиной – высокой, стройной, улыбчивой. Не все улыбки, правда, красили её, как и помада, между нами говоря, но об этом она все ещё не догадывалась.

Глеба пересаживали маме на колени, помощники лихо заняли свои места, и тяжеленное авто тронулось в путь. Качнувшись на повороте, ухнуло в случайную промоину, но скорости не замедлило. И странно, между прочим. Во всяком случае, смотрела я вслед машине так, что взглядом могла бы проколоть все её толстые колеса разом, включая запасное, красующееся сзади, словно свернутый кренделем крокодилий хвост...

С цветами и деревьями обычно не разговаривают, а вот я разговаривала. Конечно, когда никто поблизости не стоял и не смотрел на меня сумасшедшими глазами. Только сумасше-

ствие здесь ни при чём. Болтают же с собачками комнатными, с лошадьми, с кошками, даже с хомьяками и свинками! – почему же не поговорить с цветами? Или с молодым деревцем? Скажу больше: с растениями даже приятнее разговаривать, – они слушают. Они всё понимают и всегда готовы к сочувствию.

– Что стряслось? – шепнула мне растущая у крыльца слива.

– Ничего! – зло ответила я и бездумно оборвала пару листков. – Будто сама не видела!

Слива вздохнула и промолчала, она была мудрее иных взрослых, и, обозлившись ещё больше – уже на себя, сердитую дуру, я растёрла несчастные листки в ладонях, сдула их сморщенные оболочки в траву. В другой раз наверняка бы извинилась перед сливой, а тут пошагала себе дальше, даже не оглянувшись.

В детстве мы все заблуждаемся. В частности – в своих мыслях про взрослых. Думаем, что они умные и справедливые, что всё и про всё на свете знают. А потом вдруг выясняется, что это не так, что любимое занятие взрослых – это войны, деньги и экономические кризисы, что сплошь и рядом усаые и седые дядечки выясняют и никак не могут выяснить друг с другом отношения, что даже министры с академиками путаются в вещах, которые понятны малышам без всяких доказательств.

Вот и сейчас от всего случившегося хотелось ругаться и бить посуду. Хотелось даже вырвать клочок волос, расцарапать кожу или что-нибудь поджечь. Деструктивный психоз, короче. Я вытащила из кармана зеркальце и, положив на землю, раздавила его ударом пятки. Сияющее и улыбочливое, оно хрустнуло и поблёлкло. И будто даже пискнуло: «за что?», но я уже торопливо присыпала зеркальце землей. Легче от сделанного мне не стало.

Многие из моих знакомых спасаются от депрессий музыкой. Скажем, орут на них дома за двойки или пропуск уроков, а они напяливают на голову наушники, врубают на полную громкость какую-нибудь «Шуба-дубу» и в ус себе не дуют. Но я в музыку нырять не стала, я думала. Напряжённо – и потому совершенно беспорядочно. Во-первых, про маму, а во-вторых, про всех нас – про Глебушку, про папу и меня. А точнее про то, как мы жили до сих пор и как придется нам жить дальше. Семья ведь – это когда обязательно папа с мамой. Детей может быть сколько угодно – хоть один-разъединственный ребёнок, хоть дюжина, однако настоящих родителей всегда двое. А если они разбегаются и разъезжаются, то это уже не семья. То есть, я видела в телепередачах, как некоторые брошенные мамы гордятся тем, что вырастили нормальных детей без пап, но даже мне было ясно, что чаще всего они хорохорятся и выдают желаемое за действительное. Да, конечно, они молодчаги, даже героини в каком-то смысле, но я-то знаю деток, выросших без пап. Один Витька Анциферов чего стоит. Умный, как Галилей, и злой, как Карабас-Барабасыч. Что ни скажут при нем, сразу выдает комментарии. Да такие – словно в компот соли с перцем подсыпает. Если шутят, он не смеётся, а если вокруг ругаются, он наоборот – радуется и только полешки в огонь подбрасывает. И видно за версту, что насквозь несчастный человек. Может, потом и станет каким-нибудь жутким учёным или даже книгу суперскую напишет, но друзей-то, ох, как ему трудно будет найти! Тут ведь всё просто: если не научились дружить папа с мамой, откуда взяться дружбе у детей? Был вот у меня недавно день рождения, так Витька пришёл и ушёл. То есть, что-то даже принёс с собой в свёртке, но посмотрел на подаренный Юлькой плеер, на огромную ракету-шутиху, купленную Егором, и даже разворачивать свой гостинец не стал. Ракету назвал картонным уродцем, плеер – тупой погремушкой, скорчил недовольную мину и ушёл. Спрашивается, чего хотел, зачем приходил? Чтобы настроение всем испортить? Я его, кстати, и не приглашала. Короче, странный тип!

А ещё в классе у нас есть Нинка, – тоже растёт без отца. Вся из себя затюканная да задёрганная. Ходит, ссутулившись, глядит на всех исподлобья. И давно бы такую задразнили, если бы не наша компания. Мы с Махой и Юлькой взяли её опекать, и дело пошло на лад. Уже через год наша Нинка оживать начала, на человека стала походить. И здесь, кстати, тоже

всё абсолютно понятно. Если в тылу у тебя сразу двое родных людей, это действительно тыл, а когда там одна мама, да и та сердитая на весь белый свет, какая уж тут поддержка! Тем более что мать у Нинки не просто сердитая, а суперсуровая, – могла, между прочим, и в нос кулаком врезать, и затрещину дать. Вот Нинка наша и росла, как сорная былинка. Перед каждым ветром готова была склониться. А мы не даём. И делимся, чем придется, и жизни учим вместо беглого папаши. Чтобы тоже, значит, умела всё – и пальцы веером, и хвост пистолетом. Смешно, конечно, – какие учителя из тринадцатилетних пигалиц? Но ведь пыжились, старались! И я пыжилась, сколько могла. А теперь вот тоже – стану, как Нинка. С отцом, но без матери.

То есть, моя потеря даже больше. Меня ведь и брата лишили. Родного! Конечно, Глеб – подарочек ещё тот! Бывает порой таким вредным, что хочется схватить швабру и треснуть по кумполу. И ныть умеет, будь здоров, и пакости делать. Однажды взял папин пропуск, подрисовал на фотографии фуражку с кокардой, усы запорожские, а снизу подписал «ГЛИБ». То есть, как бы переписал пропуск на себя. Мало того, что безграмотно переписал, так ещё и документ испортил. Это у него бзик такой – изготавливать всевозможные удостоверения с фотокарточками и печатями. А потом достал у мамы из сумочки гребешок и, выломав половину зубьев, сделал себе подобие маузера. Чекист, короче, – при удостоверении и оружии! Пока печать на удостоверении увеличивал, испачкал чернилами мою школьную блузку. Никого, в общем, не забыл. И влетело красавцу от всех разом – сначала от меня, потом от мамы, а затем от прибежавшего на шум папы. Качественно так влетело. Рыдающий Глеб убежал на террасу, забился под стол, а надутые родители разошлись по комнатам: мама занялась своим изуродованным гребнем, папа – разукрашенным удостоверением. Я забралась на диван и поначалу попробовала отвлечься чтением, но Глеб всё ревел и ревел на террасе, не давал сосредоточиться. «Так и надо балбесу! – думала я, поглядывая на испорченную блузку. – В следующий раз подумает, прежде чем гадости делать»... А Глеб уже не ревел, а поскуливал. Совсем как шенок. И прикашливать как-то нехорошо начал. От долгого рева горло саднит, вот и кашляют детки. Словом, он ревел, а мы, каменногордые, молчали и делали вид, что не слышим. Потому что, действительно, виноват, потому что за преступлением следует наказание. Про это ещё Достоевский писал. И ещё сорок четыре тысячи авторов. Так что всё было правильно и справедливо. Только вот не читалось мне! Уж лучше бы Глебушка молча обдумывал своё поведение, не выл и не действовал нам на нервы. Я продолжала листать страницы, но буквы плясали перед глазами, смысл расплывался, – всё моё внимание поглощал плач Глеба. В какой-то из моментов я поняла, что сейчас не выдержу – схвачу что-нибудь потяжелее, побегу и врежу братцу, заставив умолкнуть.

И я на самом деле не выдержала. Вскочив с дивана, метнулась на террасу, рысью сунулась под стол. Глеб сидел там скрюченным эмбрионом, тискал руками своё горло и скулил. Я даже не сообразила поначалу, что он такое вытворяет. То ли царапает себя, то ли душит. Глазёнки выпучены, лицо мокрое, ещё и кулачком себе по голове бьёт. Вроде как наказывает... И спина выгнута так, что позвонки кнопочками от шеи и до трусиков – можно до единого пересчитать. И такой он был маленький, тощенький да несчастный, такой провинившийся перед всем миром, что у меня самой губы задрожали, и в глазах всё поплыло.

Я даже не знаю, что со мной стряслось. Шмыгнула к братику под стол, обняла его и прижала к себе изо всех сил. Гладить начала по нелепым его позвонкам, по ребрам, по синякастым коленкам. И расцеловала всё его распухшее от слёз личико. Кажется, он ещё пару раз пытался себя ударить, но я не позволила и тоже заплакала. Так мы и сидели вдвоём под столом, всхлипывая на два голоса, пока на террасу не вышел папа. Я видела только его ноги и не видела лица, но и у него с лицом, наверное, что-то происходило.

– Хватит, что ли... – робко позвал он.

Мы продолжали друженько подвывать.

– Хорош, говорю. Подумаешь, бумажку испортил, – исправим как-нибудь...

Скрипнула дверь, следом за отцом показалась мама. Ненатурально весёлым голосом она сообщила, что достала из морозилки мороженое, что сегодня «всем можно», что хватит дуться и прятаться, пора выходить, и объявляется всеобщее перемирие.

То есть, в ту минуту она это случайно сказала. Я имею в виду: «перемирие», но в действительности так у нас всё и получилось. Мир ведь – это когда прочно и надолго, а перемирие – всего лишь пауза между боями. Но в тот вечер в нашей семье, в самом деле, все закончилось здорово. Были и чаепитие с мороженым, и виноватые улыбки родителей, и бурная радость «прощённого» Глебушки. А главное, что в тот вечер мы были единой семьей! Потому что любили друг друга, потому что готовы были прощать друг дружке все на свете.

А ещё мне припомнился другой случай, когда, катаясь на новеньком велосипеде, я наехала на камень и свалилась в кювет. Реально так свалилась – с визгом и кувырком через голову. Но хуже всего, что в траве таились какие-то ржавые трубы и битое стекло. О них-то я и поранила ноги. То есть, и руки тоже поранила, но ноги сильнее. Из пореза на левой лодыжке кровь так и хлестала ручьём. Юлька, что была со мной, чуть в обморок не рухнула. Пришлось сначала её приводить в чувство, а после уж браться за свои раны. Бинтов с собой у нас, понятно, не было, и я пустила в ход кружевную маечку. Жалко, конечно, было, но хватило ума пожертвовать. Изляпалась, само собой: на шортиках, на фуфайке с кроссовками – повсюду атели жутковатые пятна. Но больше всего я огорчилась из-за велосипеда. Двухколёсный «Салют» с удобно регулируемым рулем был куплен отцом всего-то за пару дней до злосчастного кульбита. Содранная краска, полдюжины сломанных спиц и спущенная шина – таков был итог неудачной поездки.

Возвращаться домой было страшно, и мы с Юлькой, две малолетние дуры, возились какое-то время с велосипедом, гадая, как бы подкрасить его да незаметно подремонтировать. В результате домой я вернулась в сумерках, и уже тогда, помню, меня ощутимо покачивало и «кружило». Спрятав велосипед под навес, я ещё сумела незаметно пробраться в детскую комнату, но когда попыталась перебинтовать распухшую ногу, тот же Глебушка, перепугавшись вида крови, поднял переполох. А уж когда я разглядела бледные лица вбежавших в комнату родителей, мне стало совсем плохо. Нога к тому часу уже почему-то не болела, но даже встать и внятно объяснить, что же со мной приключилось, я была не в состоянии.

От той ночи у меня сохранились смутные воспоминания. Помню, как задыхающийся папка нёс меня на руках и что-то сбивчиво бормотал. То ли меня успокаивал, то ли себя. Я чувствовала, что ему тяжело, но он всё равно бежал и бежал, лишь изредка переходя на шаг. А потом меня положили на плюшевое сиденье чужой легковушки, и мы помчались в больницу. Доехали, как мне казалась за несколько секунд, а очнулась я уже от нашатыря. И были уколы, какие-то ядовито-горькие таблетки и опять порции нашатыря.

Позже мне рассказывали, что я повредила серьёзные сосуды и потеряла много крови. А ещё запросто могла получить заражение, но спас меня одной папка. Он-то сразу увидел, что рана серьёзная и, подхватив меня на руки, пронес через весь посёлок до знакомого владельца машины. А там уж меня отвезли напрямиком в областную клинику к коллегам отца.

Честно сказать, в больнице мне понравилось. Да и как не понравиться! До чего здорово было лежать в палате и принимать одного за другим друзей и родственников. Приходили Юлька с Машкой и Нинкой, заглядывали мальчишки из класса: Егор, Колька, Максим, даже Витька Анциферов – наш главный ворчун – и тот пришёл проведать неудачливую велосипедистку. И каждый дарил какую-нибудь безделушку. Само собой, приходили родители с Глебом, и все наперебой утешали, говорили добрые слова. Кстати, про злосчастный велосипед никто так и не вспомнил. Когда же я вернулась из больницы, выяснилось, что папа успел починить его и покрасить. Правда, ездить на нём мне ещё долго разрешали лишь в пределах посёлка, но в общем и целом история та закончилась благополучно. Я даже подарок неожиданный получила. Папа с мамой сообща купили мне талисман – браслетик из сердоликовых камушков.

Симпатичный такой – душевный! А на солнце он сиял таким светом, что у меня тут же поднималось настроение. Наверное, так оно и должно было быть. По гороскопу сердолик – как раз мой камень, который обязан был оберегать меня от болезней и сглаза. Не знаю, как насчет сглаза, но болеть я с тех пор, в самом деле, перестала. Хотя важнее всего было другое: в том временном закутке родители нас на самом деле ЛЮБИЛИ – меня и Глеба. Мы были чем-то важным в их жизни, и я совершенно не могла состыковать воедино то давнее и замечательное с тем жутким и невозможным, что приключилось сегодня.

Хотя вру. Умом я, конечно, всё понимала. Не дурочка же полная. И давно сообразила, что мама с папой нашли друг друга случайно. Красивая студентка из Харькова и молодой доктор, проверяющий у практикантов зрение. Конечно, папа не устоял. Чем-то, наверное, и маму сумел обворожить. Про глаза что-нибудь здоровское наплёл, про бирюзу там с кораллами... А потом начались столкновения сторон, началось перетягивание семейного каната.

Конечно, у нас все друг друга не понимают: государство – народ, препода – учеников, родители – собственных детей, но все равно ведь как-то живём! Потому что знаем: мир – это джунгли, и каждый из нас мучится на своём маленьком необитаемом островке, тоскуя о бродяге Пятнице. Можно, конечно, слёзы лить, а можно относиться к такой жизни вполне философски. Как я, например, к своему имени. Привыкла ведь! Временами даже нравится. Так и семья. Могли, наверное, потерпеть ещё лет двадцать-тридцать. Потому что терпеть людей, которых любишь гораздо легче, чем совершенно посторонних. Мы-то ведь с Глебом согласны были терпеть своих родителей. И миллион с лишним ошибок готовы были им прощать! Почему же они оказались слабее нас? Или слабость – ещё один удел взрослых? Вот уж действительно прикол! Стоит ли вообще взрослеть, если с каждым годом что-нибудь да теряешь – терпение, силы, здоровье, чувства?

Я даже подумала вдруг, что, может, лучше и логичнее было бы жить наоборот? Скажем, воскресать после смерти, возвращаться к заплаканным родственникам и вместе с ними стремительно молодеть, наблюдая, как меняется мир, как из руин возникают старенькие дома, ожидают вырубленные рощи, зарастают лесами и скалами облысевшие горы, а в водоёмы возвращается рыба. И старики забывали бы о хромоте и больных спинах, превращаясь в юношей, обнимая своих возникающих из небытия родителей, бабушек и дедушек, находя под кроватями давно потерянные игрушки, обретая давно забытых друзей по двору, школе, детскому саду... Вот было бы здорово! Но, увы, время бежало вперёд и только вперёд. А может, разбегалось и набирало сил, чтобы в один прекрасный день взять и повернуть обратно. И коли так, хорошо было бы родиться каким-нибудь новым Авелем или Вольфом Мессингом, чтобы заглядывать в далёкое будущее, как в открытую форточку. А что? – высунул голову, и всё тебе сразу ясно-понятно. Наверное, и сны вещие – тоже неплохо видеть, но в сны я абсолютно не верила. Не потому, что невера такая, а потому, что если бы вся жуть, которая приходит ко мне во снах, сбывалась, мир давным-давно бы накрылся медным тазом. И всё равно. Очень хотелось узнать, что станет со всеми нами: с Глебушкой, с родителями, со мной...

Мысли свивались в узлы, сплетались в такую плотную паутину, что очень скоро я почувствовала себя усталой и постаревшей. Даже рукой испуганно провела по лбу, проверяя, не появились ли там морщины. Но, кажется, нет, ещё не появились, и всё равно я торопливо поднялась и, машинально погладив Глебушкину пустую кровать, вышла из комнаты.

Терраса у нас была по-настоящему уютной. Даже в самый солнцепёк здесь сохранялась своя особая прохлада. Деревянная решётчатая крыша, резные столбы, слева и справа – занавес из виноградных побегов, добротный стол из кедровых досок. В летнее время терраса напоминала малахитовую шкатулку из бажовских сказов, зелёные ягоды были, конечно, изумрудами,

чёрно-багровые – опалами и агатами. Обычно, находясь на террасе, я так себе всё и представляла – что сижу не на деревянном стуле, а на троне, – в окружении серёжек, кулонов и бус. Только у нас это всё было живым, ароматным – не каменным, и меня такое окружение вполне устраивало. А вот маме всегда хотелось примерить воображаемое наяву. Хотя какая в том радость? Императрица Анна Иоанновна, если верить историкам, таскала на себе до полутора пудов драгоценностей. Здорово, да? И все равно была толстой, злой и уродливой. Никто её и не любил, кстати. Больше – боялись и ненавидели. Спрашивается, зачем было изводить себя такими тяжестями? Может, и царица оттого на весь свет и злилась, что постоянно терпела лишние килограммы?..

Папа сидел на террасе за столом, сгорбившись, выложив на скатерть костлявые руки. Мне показался он сейчас до обидного маленьким – чуть ли не карликом в сравнении с тем же Бизоном. Врачам – им ведь большой рост не обязателен, а папа был врачом. Я даже всерьёз озадачилась: может, дело и впрямь заключалось в росте? Мама всегда обожала мускулистых гигантов – даже журналы с атлетами на обложках покупала. Любила перелистывать их не меньше дамских буклетов. А я эти журналы от неё прятала. Возможно, таким образом заступалась за отца. Только она снова покупала – и не жаль было денег!

Я присела рядом, взяла отцовскую кисть, точно проверяла пульс. Он вяло пошевелился, но руки не отнял. Был, наверное, не против, чтобы его немного поутешали.

– Ты не переживай! – вздохнула я. – Не надо так переживать.

– А кто переживает? – глухо отозвался он. – Никто и не переживает.

– Я ведь вижу: переживаешь.

– Значит, зрение нужно проверить. Зайди как-нибудь ко мне в кабинет... – отец скрипел. – Думаешь, не вернётся? Ещё как вернется! От таких толстосумов всегда рано или поздно сбегают.

– Он ей давно нравился, – зачем-то сказала я.

– Да ну?

– Я подарки видела. Сначала ожерелье, потом пара колечек, кулон... Она в коробочку из-под мармелада прятала, иногда примеряла. Думала, мы спим, – вставала и примеряла.

В глазах отца блеснул недобрый огонёк.

– Жаль, ружьё не выстрелило, – пробормотал он.

– Это я его разрядила.

– Ты? Вот, значит, как... – он не удивился и не выразил возмущения. Принял как факт. И огонёк в его глазах снова потух. Теперь он смотрел не на меня, а куда-то в неведомое. Помаши рукой перед глазами – не заметит.

– Ожерелье... – он брезгливо шевельнул губами. – Подумаешь, камушки! Да через год-другой купили бы камнерезный станок и нафуганили этих колечек-кулонов сколько угодно. Камней друзья бы прислали с Кара-Дага.

– Ты же знаешь, она никогда не любила ждать.

– Правильно, а сама собиралась часами!

Папа ничего не уточнял, но я, конечно, сообразила. Он говорил о тех редких вечерах, которые мы пытались провести совместно, отмечая чьи-нибудь именины в кафе или ресторане. Последний раз Глеб не выдержал и уснул прямо на террасе. Я тоже успела перепачкать свои новые брючки в саду. Очень уж долго мама красилась и поддвигалась.

– Не понимаю... – отец покачал головой. – Уйти с таким ничтожеством! И зачем? Куда? К бирюлькам и тряпкам? Что она делать-то у него будет? Телевизор с утра до ночи смотреть?

– Вообще-то они на курорт собирались. На Карибы, кажется... – я не защищала Бизона, просто старалась быть объективной.

– Карибы... Что там ей – в этих Карибах?

– Там море.

– И у нас море. Даже два моря сразу: слева – Чёрное, справа – Азовское!

Тут он был прав. Мы жили на Таманском полуострове – в аккурат меж двух морей. До Азовского – два километра, до Чёрного – около девяти. Не сказать, что близко, но и не далеко. Раньше на выходные мы обязательно всей семьёй выезжали на одно из побережий, устраивали пикники, купались, дурачились, ели фрукты.

– У нас акул нет, пап, – вспомнила я. – Только катранчики – и те меньше дельфинов. И ресторан в посёлке всего один.

– Ресторан... – отец поморщился. – В этом всё и дело. Ей же наряжаться надо. На людях красоваться! Ёлочка, блин! И чтоб обязательно под руку с каким-нибудь дешёвым франтом.

– Он не дешёвый франт – дорогой, – снова лягнула я. И тут же поправилась: – Хотя, конечно, все относительно. В Москве он, наверное, был бы обычным середнячком.

– Я бы таких середнячков... – отец не договорил, хотя и без того было ясно, что он намеревался сотворить с ними.

– Больше всего Глебушку жаль, – вздохнула я. – Как он там будет с ними?

Подул ветер, виноградные листья отозвались сухим невесёлым шелестом. Солнечный свет загулял, заискрился, по-новому расцветивая нашу «малахитовую шкатулку». Я вдруг представила себе, как брата высадят из джипа, как он впервые окажется в чужом доме, в незнакомой обстановке. Наверняка, заплачет. Надо ведь руки мыть, зубы чистить, а он и дома-то эти дела не очень любил. У нас на него обычно покрикивал папа, а там вместо папы окажется Бизон. И не кричать, наверное, станет, а рывкать. Все равно как на своих подчиненных. И бедный Глебушка, конечно, перепугается. Станет торопливо чистить зубки, мылить ладошки и хлюпать носом возле умывальника...

Я и сама хлюпнула носом. Очень уж живо мне всё это представилось. И братика стало жалко прямо до колик в животе.

– Ничего, он у меня ещё попляшет, – процедил бедный папка. – И Наталья сто раз пожалует, что поменяла меня на эту тусклую жабу...

– Хоть бы Глебушку не обижали, – пробормотала я. Голос опять стал противным и скрипучим, но отец меня не услышал. Мыслями он был где-то в своём воображаемом мире, где измышлялся план чудовищной мести. Но я-то знала: всё бессмысленно. Ничего он Бизону не сделает. Тот владел пятью магазинами, двумя плодовыми садами и огромным стекольным заводом. Что-то там ещё у него было, о чём мы даже не слышали, и всё это мама называла империей. Горделиво так называла. Как будто, в самом деле, готовилась принять из рук Бизона императорскую корону. Да и почему нет? Корона ей тоже очень бы подошла. И наверняка, она воображала себя золушкой, которую наконец-то заметил местный принц. То есть, её-то заметил, а нас почему-то нет.

Мне представилась рука Бизона, тянущаяся к красивому, украшенному завитушками пирожному. Пирожным была, конечно, мама, а мы сидели на нем, точно мухи. Рука брезгливо машет, сгоняя мух, пирожное вздымается к губастому рту...

Выскользнув с террасы, я взяла своего двухколёсного мустанга и выкатила за калитку. Оглянувшись, помахала папке рукой, но он не пошевелился, – так изваянием и продолжал сидеть за столом. Мне даже подумалось, что я машу рукой не отцу, а своему вчерашнему дню. Дню, в котором у меня было всё – родители, братик и будущее.

Велосипед у меня был всё тот же – битый-перебитый «Салют» дамского типа – без рамы. Машинка, не сказать, чтобы лёгкая, зато с обновлёнными, почти горными колёсами. «Ш-шапованными», как говаривал Глебушка. Скорость всего одна, но тормоз надёжный – педальный. Может, есть велосипеды получше, но я привыкла к своему «Салюту». Между прочим, с ним я

тоже научилась разговаривать, и он частенько мне отвечал. Честно, честно! Так оно и было! Я вообще очень понимаю людей, что разговаривают с любимыми предметами. Пусть называют таких сумасшедшими, но по мне так они – умнички! Потому что цветы от подобной душевности расцветают пышнее, деревья растут быстрее, и техника у «сумасшедших» хозяев тоже работает дольше и без поломок. Более того – я почти не сомневалась, что стоит мне разлюбить свой велосипед, сказав хоть раз бранное слово, и он тут же расстроится, а после начнет разваливаться на составные части. Только вот ничего подобного у меня и в мыслях не было, и маленький мой мустанг о двух колёсах и семидесяти двух спицах служил мне верой и правдой.

– Ну что, куда поскочим?

«Мустанг» едва заметно качнул колесом вправо. Конечно, он читал мои мысли, да и трудно было не прочесть – обычно у меня получалось одно и то же. Бизон с мамой и Глебушкой, конечно, повернули налево, двинувшись по трёхрядному шоссе, я же покатила своим привычным маршрутом к морю.

Небольшой рывок до кирпичной водонапорки, а там крутой сворот к диким холмам. Этот путь меня всегда привлекал – песочно-жёлтый, игриво-вертлявый. Не то дорожка, не то тропка, – сразу и не поймёшь. Даже ширина у этой дорожки была повсюду разная – точно у наглотавшегося лягушек ужа. И подобно ужу, она извивалась, убегая в заросли, приглашая

за собой, дразня пугающими тайнами. Конечно, катить по асфальтовому шоссе было не в пример легче, но и скучнее, разве не так? И машины там обгоняли бы мой «Салют» на каждом шагу, а я не люблю автомобили. Они плодятся, как городские осы. И так же назойливо гудят справа и слева. Вас то и дело обдаёт жаркой волной, и велосипед превращается в ползущую по дорожной обочине мошку.

Люди почему-то не понимают, но очень скоро машины действительно победят человечество. Совсем как в жутких фантастических фильмах. И будет вокруг ядовитый, обезлюдевший мир. Только ржавые громады заводов, вставшие на прикол корабли и миллиарды брошенных на дорогах автомобилей.

Здесь же, на тропке, все обстояло иначе: машин не было вовсе, а я неслась точно всадница на коне одна-одинешенька. На подъёмах велосипед мой качало из стороны в сторону, он натужно поскрипывал, норовил каждую секунду остановиться. Но под горку картина менялась: мой мустанг пускался в звонкий галоп, а у меня от скорости захватывало дух и высекало из глаз слёзы. «Давай же, Ксюх, крути педали!» – с уханьем покрикивал велик и в самом деле подскакивал очень даже по живому – совсем как необъезженный жеребец. Я только успевала приподыматься над седлом. И тоже вопила. Посёлок-то позади – никого моими воплями не удивишь. Справа прилёгшими отдохнуть верблюдами-великанами тянулись лохматые холмы, слева – гигантскими наконечниками копий в небо целились пирамидальные тополя с кипарисами. Заслышав велосипедный «галоп», дорогу шустро перебежали хвостатые ящерки, а от обочины стремительными вертолетами в воздух взмывала саранча. Иные красавцы пролетали по десять-пятнадцать метров. Я тоже с велосипедом на мгновения подпрыгивала, однако соперничать с саранчой, конечно, не могла. Увы, не было крыльев и чего-то ещё – возможно, самого важного для подобных полётов. Иногда на крошечные секунды оно словно являлось ко мне, и тогда велосипед подлетал особенно высоко, парил некоторое время в невесомости, но потом всё равно бился колёсами оземь. При этом он тоже досадовал и явно тосковал по крыльям.

Впрочем, сегодня рассчитывать на взлёты не приходилось. Я неспешно крутила педали, машинально объезжала колдобины и коренья. При этом постоянно думала о маме с Глебушкой и об отце. Больше, наверное, всё же о Глебушке. Он был таким же, как я, – о нём, как и обо мне, родители на каком-то этапе своих баталий попросту забыли. Мама упрекала папу в собственной скуке и семейной бедности, папа именовал её вертихвосткой и стрекозой. Надуваясь друг на друга, они расходились по углам, точно пара боксёров после проведённого раунда. Отец принимался что-нибудь мрачно строгать из досок, мама убегала к своим цветам или ложилась на диван с дамскими романами. Ну а бедный Глебушка тыкался сначала к одному, потом к другому, а после неизменно возвращался ко мне. И мы обязательно что-нибудь выдумывали – играли в индейцев, в спецназ, а то и в обычную школу.

Как индеец я была ещё ничего, в качестве спецназовца не выдерживала никакой критики, зато образ учителя являла собой идеальный – обожала ставить пятерки с жирными плюсами, без конца гладила Глеба по голове, именовала умничкой и гением. Иногда мы играли в ясли, – глупая такая игра, но никто ведь не видел! И Глеб нарочно притворялся младенцем – гугукал и мяукал, а я таскала его на руках и укачивала все равно как взаправдашнего младенца. Посмотреть со стороны – ну, дура душой! И впрямь воображала себя мамашей. Самое смешное, что нам обоим нравилась эта игра.

А когда лет в шесть Глеб научился гонять на детском велосипеде, маршрут наш тут же вытянулся гуттаперчевой пиявкой, надёжно соединив с морем. Уж на побережье нам скучать точно не приходилось. Мы приручали дельфинов (хотя чего их, ручных, приручать?), строили из песка замки и катакомбы, убегали к кладбищу затонувших кораблей и, конечно, до синевы и дрожи боролись с пенными волнами, ныряя на глубину, собирая мидии и руками пытаюсь ловить случайных рыбёшек...

Я притормозила у обрыва. Внизу белело солончаковое озеро. Говорят, когда-то здесь располагались всамделишные соляные копи. Какой-то купец немец, скупив земли, нанимал местных батраков на работы. Даже построил свою маленькую фабрику, и соль отсюда везли в Москву, в Санкт-Петербург, в Киев, продавали за огромные деньги. Теперь ничего этого больше не было: фабрику разрушили и разобрали по кирпичикам, осталась пустошь, заросшие кустарником фундаменты зданий и густой стрёкот кузнечиков.

Нырнув пальцами в боковой карман шортов, я извлекла горсть патронов. Они тускло блеснули на солнце, тяжесть их откровенно пугала. Я ведь ещё с утра перед приездом Бизона сообразила, что надо разрядить ружьё. Не умом сообразила, – чем-то другим. Отец не охотился, однако любил давать праздничные салюты. Но салюта в Бизона я никак не могла допустить. Хотя бы ради мамы с папой...

Размахнувшись, я швырнула патроны в озеро. Они упали недалеко от берега, продав соляную корочку, пузырьками ушли на дно. Я шумно вздохнула и решительно натянула на голову наушники. Грустных мыслей больше не хотелось. Хотелось моря и музыки. Пальцы сами нашарили на плеере нужную кнопку.

Заиграла мелодия, и, ухватившись за руль, я оттащила свой «Салют» от обрыва. Велосипед тряско потрусил дальше, и вместе с запевшим Меладзе я во всё горло затянула грустное и такое заживляющее:

*Внучка деда лесника – сумасшедшего слегка,
Как цветок была красива, но упряма и дика,
От соблазнов вдалеке, не обласкана никем
Ночью звёздочки считала, днём купалась в роднике...*

Конечно, песня была про меня. Я знала это точно так же, как знала и то, что имя Тая мне подошло бы значительно больше, чем имя Ксюша. Папа, кстати, тоже хотел назвать меня либо Таечкой либо Марией, но маме нравилось больше Ксюша. Тоже, наверное, наслушалась песен, правда, несколько иных – тех, в которых «юбочка из плюша», «русая коса» и прочие нелепости. В результате вышел полный облом. Юбочек я сроду не носила, косу так и не удосужилась отрастить. В дополнение ко всему брата у меня забрали, а «любимую дочуру» мама бросила сама. Оставила «делать салаты» и «присматривать за папенькой».

Певец пел в крохотных наушничках про красавицу Таю, и я тоже «таяла». Это получалось само собой. Горе уходило, пригоршней соли растворялось в мелодичном ручейке. Становилось беспричинно хорошо и необъяснимо весело. Может, оттого, что в эти минуты я действительно превращалась в Таю.

Этот холм мы особенно любили. Он напоминал лобастую голову слона, неведомым образом выглянувшего прямо из земли. То есть – выглянуть-то он выглянул, а нырнуть обратно не сумел – застрял. И хобот его отныне сбегал к самому морю, а «уши» двумя обрывами накрывали песчаное побережье. Когда-то он казался нам высоченным, но со временем сдулся и осел. А, скорее всего, – это мы взяли да выросли. Однако маленьким его не считали и теперь. С макушки Слоновьего холма можно было рассмотреть построенный на Павлиньем мысу Старый Маяк, а направо на морской отмели, чуть прищурившись, мы видели торчащие из моря остовы разбитых кораблей. Маленькое кладбище морских скитальцев, проржавевшие насквозь надежды, навсегда заякоренное счастье... И тоже, между прочим, загадка! Никто ведь их туда специально не стаскивал! Шли мимо и тонули – в одном месте – один за другим. А после исчезали, засасываемые донными, ненасытными песками.

А ещё с холма прекрасно просматривался палаточный лагерь археологов, разместившихся как раз за ближайшим виноградником. Там они вечно что-то рыли, разводили костры, а в сложенной под навесом печи что-то готовили и обжигали. Странный это был народец. Моя подруга Юлька хвасталась, что пару раз её приглашали к костру, угощали крепчайшим кофе и не только. Развлекали будто бы студенческими песнями и показывали найденные в земле золотые украшения. Одну из драгоценных находок даже обещали тайком подарить, но тут уж Юльке никто не верил. Девчонка она была такая, – легко могла и наврать с три короба.

Ну, и конечно, со Слоновьей горы можно было рассматривать наш посёлок. Правда, уже через хорошую оптику вроде папиного десятикратного «Беркута», хотя и без «Беркута» я видела знакомые свечечки кипарисов и похожие на заплатки крыши домов. Иногда даже чудилось, что я вижу нашу маленькую хижину с козырьком террасы, и тогда мне становилось совсем грустно. Казалось, я смотрю на посёлок не с холма, а из собственного далёкого будущего, где я, уже взрослая, может быть, даже седая женщина, пытаюсь припомнить место своей беспечной юности. И похожая печаль, наверняка, посетит ту стареющую женщину, в которую я превращусь безо всякой волшебной палочки. И так же, как сейчас, она подосадует на то, что не может увидеть какие-то крохотные детали давно убежавших лет.

В общем, холм был в какой-то степени точкой отсчета и началом координат. Даже когда глаза мои вконец уставали рассматривать окрестности, случалось необычное. Мне вдруг начало чудиться, что я вижу парящие над посёлком силуэты дирижаблей, а над морем птичьим клином выстраивались огоньки неуловимых НЛО. Правда, об этих своих видениях в отличие от Юльки я благоразумно помалкивала. То есть НЛО с дирижаблями, конечно, были, но мнение на этот счёт моих лучших подруг я могла бы воспроизвести с точностью до последней интонации. «Ты что, обалдела!.. Какие тарелки?.. Да у тебя крыша съехала, подруженька?!». В общем, свои наблюдения я предпочитала держать при себе. Разве что с Глебушкой делилась. Он-то был свой в доску и верил мне безоговорочно. Даже охранять клялся. От инопланетян и прочих незваных пришельцев.

Когда-то со Слоновьего холма мы запускали с братцем первых самодельных змеев. А уж летали они так, что дух захватывало. Однажды, уже с родителями, рискнули установить на холме брезентовую палатку. В кои веки папа с мамой решились на вылазку с ночевой. По сути, устроили для детей настоящий поход! Вот уж порадовался наш Глебушка. Для

него-то палатка была целым замком. Да только ночью хлынул ливень, и нас едва не сдуло с холма штормовым ветром. Все наше семейство вымокло до нитки, но всё равно было очень весело. Может, оттого и не заболел никто. Я давно заметила, если радуешься да улыбаешься, все болезни отступают. Теперь же весело не было, и с особенной остротой я вдруг поняла, как прав был папа, когда говорил, что дни Слоновьего холма сочтены. Новостройки планомерно окружали наш холм, подступали с каждым годом ближе и ближе. Стаей пираций они вгрызались в долины и скалы, превращая их в парковки для автомашин, в заводские здания и огорожённые колючей проволокой коттеджи. Вдруг, подумалось, что и моё детство похоже на этот холм. Оно ещё не миновало, ещё вовсю размахивало руками и пускало удалые пузыри, но грустная кончина уже маячила на горизонте.

Сегодня на холм я забираться не стала. Уложив велосипед у подножья, сбросила с себя одежду и побежала к морю. Поплескав по мелководью ладонями, почтительно поздоровалась. У берега море играло пенными гребнями, призывно чмокало мокрыми губами, но уже на глубине взросло и успокаивалось. Оно было живым, это я знала совершенно точно, – живым и разумным. И уж с ним-то общаться можно было сколько угодно.

Кролем отплыв на приличное расстояние, я перевернулась на спину, звездой раскинула руки и ноги. Наверное, про нецелованность свою я зря распиналась. Я ведь совсем забыла про море, а оно давно научилось баюкать меня и обнимать. А уж как только не целовало! И смачным прикосновением осенне-весенних волн, и нежным ожогом прижатых к телу медуз, и губами шаловливых мальков. Оно и сейчас покачивало меня, словно в детской колыбели, мокрыми ладонями оглаживало плечи и ноги, щекотало под мышками. В ушах чуть слышно шелестело и потрескивало, – это волны с прилежанием превращали камни в гладкую гальку, а гальку в песок. В этом шепоте мне угадывались слова, и почти всегда они нашептывали что-нибудь доброе, вроде: «Ксюх, не плачь! Ну, чего ты разнюнилась? Видишь, мне хорошо, а ты во мне, – значит, и тебе хорошо»...

Маски я не взяла, но уж подводные очки всегда были при мне – так и болтались, точно амулет на шее. Вволю понежившись в морских объятиях, я натянула очки на глаза и нырнула вглубь. Несколько взмахов, и дно прочертилось из желтоватого тумана резкими пикселями. Азовское море – это, конечно, не Красное, но и здесь всегда находится, на что посмотреть. Особенно если уметь вглядываться. Наполовину зарывшиеся в песок рачки-отшельники, мелькающие на отдаление силуэты морских игл, неутомимые барабульки, мелкий донный мусор, – я замечала каждую мелочь!

Вот и сейчас мне почти сразу попала монетка. Я подняла её, покрутила в пальцах. Три копейки, ещё советские – шестьдесят второго года чеканки. На такой троячок, по рассказам дяди Симы из Белой Калитвы, в прежние времена можно было купить стакан газированной воды с сиропом. Подобные автоматы с газовой красовались во всех городах и посёлках, стаканы стояли прямо на крышах автоматов. Один такой я сама видела в старом фильме. Прямо чудо какое-то! Теперь таких нигде уже не найти. Мама говорила, потому что это негигиенично, а дядька объяснял, что всё от того, что люди стали хуже. Любой такой автомат, по его словам, «раздарбанили бы» в первые же сутки, а стаканы, понятно, разобрали бы «на сувениры».

Жаль, конечно. Если бы автоматы оставались на наших улицах, я взяла бы троячок с собой, но денежка была мне без надобности. Да и негоже отбирать монетки у моря. Кто-то бросил, – значит, хотел вернуться. А заберёшь монетку, – помешаешь человеку, собьёшь с пути, расколешь мечту. Ответственное, получается, дело! Очень даже не простое! Я разжала ладонь, и монетка, кувыркаясь, поплыла вниз.

Повторно набрав в лёгкие воздух, я вновь погрузилась – и на этот раз уже не спешила. Плыть над песчаным дном было удивительно интересно. Я походила на исследователя, который вот-вот столкнется с каким-либо чудом, и чудеса действительно попадались на каждом шагу. В виде облепленной известковым налетом коряги или смутного орнамента замаскиро-

вавшейся камбалы. Внимание мог привлечь даже головастый бычок, загорающий на каком-нибудь взгорке. Он не ел, не жевал, – просто полеживал себе на животике, философски взирая на всё проплывающее мимо. К одному такому красавцу я не выдержала и спустилась поближе. Даже подхватила со дна камень покрупнее, чтобы меня не вытолкнуло на поверхность. И всё равно ноги мои задирало вверх, только голова оставалась на уровне дна, позволяя премудрому бычку смотреть мне прямо в глаза.

Не знаю, сколько ему было лет, но я абсолютно не верила в то, что он не понимал моих мыслей. Конечно, он всё понимал и наверняка сознавал, как мне сегодня плохо. Только чем он мог меня утешить, кроме как своим бесконечным доверием? Он не уплыл даже тогда, когда я осторожно поднесла к нему руку. Конечно, умняга такой понимал: ни хватать, ни щипать его я не собираюсь. Правда, мне, в самом деле, хотелось его погладить, но делать этого я не стала. Не хотелось обманывать ожидания морского философа. Кроме того, однажды я уже погладила ската-хвосткола, – и уж этот зверюга отыгрался на мне по полной. Вдарил – так вдарил! Вонзил в ладонь кинжальных размеров шип и равнодушно уплыл. Все равно как машина, только что сбившая пешехода. До берега я кое-как добралась, но за рукой стлался кровавый шлейф, а от боли ломило всё тело. Оставалось только радоваться, что в наших морях кроме безобидных катранчиков никаких других акул не водится. Расхватали бы по пути на кусочки.

– Ты умный! – сказала я бычку, и гроздь пузырей, массируя щёки, упорхнула вверх. – Умный, хороший и добрый...

Мне показалось, что бычок меня понял. Плавники его чуть дрогнули, в чёрных бусинках глаз мелькнули смешливые искорки. Возможно, он хотел услышать от меня ещё что-нибудь, но воздух закончился, а жабрами к своим тринадцати годам я так и не обзавелась. Пришлось срочно всплывать и дышать, дышать, дышать...

Хорошо было Ихтиандру! Вот уж с кем я махнулась бы телами, не глядя. Пусть бы расхлёбывал мой раздел-водораздел, а я тем временем пожила бы какое-то время в море – по соседству с дельфинами и бычками. Может, даже отыскала бы того давнего ската, что обидел меня. Уж я бы этому хаму и придурку втолковвала, что так порядочные рыбины не поступают! Потаскала бы его за хвостище!..

Уже на пути к берегу я время от времени выскакивала из воды повыше, тоскливо крутила головой, пытаюсь разглядеть дельфинов, но сегодня их не было – ни единого плавника на многие километры. Такой уж это был злосчастный день.

Выбравшись на сушу, я, словно тряпку, отжала волосы и вновь натянула на голову наушнички. На этот раз угадала на Марию Кэрри. По радио её, правда, именовали Мэрайей – на американский манер, но я всякий раз морщилась и ничего не понимала. Как можно называть Святую Деву Марию какой-то Мэрайей? Мэри, Мари, Машенька – это, по крайней мере, звучит, а певица – да ещё с таким чудным голосом, просто обязана иметь звучное имя!

Сейчас Мари-Мэри-Машенька пела песню «My All» – мою любимую. Впрочем, когда кто-то начинал петь – и петь душевно, он сразу становился моим любимым.

*I ll give my all
To have just one more night with you
I ll risk my life to feel
Your body next to mine,
Cause I can t go on...*

Из слов решительно ничего не понимала, кроме «ай», «найт» и «лайф», но сердце всё равно трепетало весенней бабочкой, и душа в красивом прыжке вылетала из тела, замирая на оглушительной высоте. Под эту песню я много раз танцевала с Глебушкой, а вот теперь кружилась в полном одиночестве. Вальсировала на песке, иногда подпрыгивала, высоко вски-

дивая ноги – совсем как балетная дива. Жаль, не получалось полюбоваться собой со стороны. Выходило, наверняка, очень и очень здорово.

Вскоре мелодия стихла, песня закончилась, и, выключив плеер, я легла на песок. Прижавшись к нему лицом, набрала в грудь побольше воздуха и заплакала. Горько, навзрыд. Потому что никто не слышал, и было можно. Потому что очень уж долго сдерживалась. Кроме того, я точно знала, что осталась абсолютно одна.

Уехали мама с Глебушкой, ушёл отец. То есть, он вроде бы и не ушёл, но я-то понимала, что таким смешливым и озорным, каким он бывал раньше, он никогда уже не будет. Как не будет и нашего общего прошлого – такого доброго и счастливого, в котором смеха и радостей было все-таки больше, чем ссор. Все это осталось позади – словно вываленная за борт китовая трубуха. Оси абсцисс и ординат, как стрелки сломанных часов, крутанулись и рухнули вниз, юг поменялся с севером, а запад с востоком. Я не знала, куда дальше идти и зачем жить. Даже прижиматься к тёплому песку было уже неприятно. Потому что где-то здесь поблизости мы десятки раз расстилали одеяла и устраивали семейные пикники – с виноградом, персиками и грушами. Родители пили вино, много шутили, иногда перепирались, а мы с Глебом брызгались и баловались в воде или бродили по мелководью, выискивая ракушки и камни посимпатичнее. Играли, само собой, в мячик, в бадминтон, строили запруды и дивные замки. Один раз Глеб швырнул в меня песком и крепко запорошил глаза, в другой раз я сама его отлупила. Но это были такие трагедии, такие страсти! Теперь об этом приходилось только вспоминать и грустить.

Я продолжала плакать, и огромным песчаным платком берег впитывал и впитывал мои слёзы.

Горше всего было сознавать, что ничего этим моим плачем не исправить. И легче от слёз не станет, и море солонее не будет.

Заглядывают ли люди в иные миры? Наверное, все-таки заглядывают. Иногда даже переходят туда и перешагивают. Вроде нашего слоника-холма, нечаянно заглянувшего на наше побережье, да так и застрявшего тут. А возможно, перебегая из мира в мир, мы чаще всего этого не замечаем. То есть, тот другой мир может быть почти таким же, а может быть и совершенно иным. Скажем, Егор – наш главный знаток фантастики в классе – уверял, что подобных миров-вселенных – прямо пруд пруди. И живём мы в том из них, который в данный момент заслуживаем. Напакостил, к примеру, человек ближнему своему, а наутро проснулся – и все вокруг стало немного хуже. Цены, скажем, выросли или похолодало за окном на пяток градусов, друзей стало меньше или книга любимая пропала. В общем, хуже стало – и всё из-за вчерашнего дурного поступка. Вроде «эффекта бабочки». Но возможно и обратное: если делать одно только хорошее, то это хорошее, в конце концов, и станет нас окружать. Потому что, делая это хорошее, мы самым удивительным образом перемещаемся в мир более благополучный и гармоничный. И так постепенно можно подняться к заоблачным высотам, где все друг друга понимают и любят, где нет ни войн, ни катастроф, и люди дружат с космосом, не убивают природу и все поголовно поют волшебными голосами. Другими словами – хорошее нас как бы затягивает, и тут главное – не сопротивляться. Если же начнёшь злиться, пакостить, воевать, то и мир, к которому нас в итоге притянет, будет таким же дурным и воинственным.

Теория была жутко симпатичной, но я, если честно, больше верила в случайные путешествия. Иногда во снах, а иногда наяву. Мы ведь до пяти лет помним свои прошлые жизни, может, даже тоскуем по прежним друзьям, родственникам, любимым животным. Кто-то их даже ищет, отправляясь путешествовать во времени. Только вот куда при этом забредешь, не всегда можно предсказать и объяснить. Да и кому объяснять? Не взрослым же, которые

всё давно позабыли и разучились во что-либо верить. Я вот тоже однажды заглянула в мир без морей и зелени. То есть, и людей там тоже не было, но меня больше поразили глубокие, высохшие до каменной твердости впадины. Земля там напоминала одноцветную, исчерченную трещинами мозаику, и жутковатыми каньонами прежние океаны обрывались вниз – иногда так далеко, что дно скрывалось в знойной полумгле. А ещё страшнее было шагать по руслам высохших рек. Я отчетливо помню, как похрустывали под сандаликами скелетики рыб, как вертляво гнулись опавшие берега, и как порой мне казалось, что я движусь по бесконечному, неведомо кем выстроенному лабиринту.

Правда это была или нет, не знаю, но память сохранила такие подробности, от которых у меня до сих пор пробегали по телу мурашки. Должно быть, и впрямь есть период в жизни детей, когда подобные путешествия по мирам – дело самое обычное. Пошёл, прогулялся в случайной параллели, наглядился на мамонтов с тиранозаврами и вернулся. Мы ведь ещё не выбрали окончательно родину и мир, вот и гуляем свободно туда-сюда. Ну, а взрослые свой выбор успели сделать, а потому путешествовать прекращают. Конечно, и они частенько проявляют недовольство окружающим, но это как раз и есть их выбор. Мир, в котором повода для слёз не было бы вовсе, наверняка их бы не устроил.

Примерно в те же мальшковые годы я очень хотела открыть мир красивых людей. Чтобы, значит, всё кругом до единого были симпатичные и стройные, чтобы с ямочками на щеках и смешливым огоньком в глазах. Да только ничего у меня не получалось. Как нарочно попадала в города, напоминающие луковые посадки из-за торчащих повсюду небоскрёбов, или в подземные поселения с громающими электричками, с душным искусственным ветром. И люди там жили такие же, как у нас. Только позднее я поняла, что красивых и некрасивых людей не бывает в принципе, что через месяц-другой даже в стране удивительно гармоничных людей я перестала бы понимать, что они красивые. И точно так же в мире нескладных, уродливых мордатиков произошла бы похожая метаморфоза. Привыкла бы со временем и стала считать всех нормальными – ещё и сама угодила бы в разряд каких-нибудь монстроидов...

Словом, полная путаница. Наверное, от неё у меня и не получилось выбрать по-настоящему правильный мир. Теперь же, скорее всего, было уже поздно.

Кстати, Глебушка меня прекрасно понимал и тоже не стеснялся рассказывать про свои путешествия, а вот мама наши откровения называла нелепыми фантазиями. Наедине же со мной ещё и добавляла, что философствовать много вредно, можно стать «чересчур умной», а умным девушкам сложнее устроить своё счастье. Потому что мужчины, по её словам, любят глупеньких и смешливых. «То есть – дур?» – уточняла я. «Не дур, а глупеньких!» – возмущалась мама, и мы снова принимались спорить, окончательно переставая понимать друг дружку.

Дня три после отъезда мамы и Глеба я никого не хотела видеть. Даже с папой почти не разговаривала, да он не проявлял желания к общению. Рано утром бурчал себе что-то под нос, глотал сваренный наспех кофе и убегал к своим слабовидящим пациентам. Возвращался же так поздно, что обычно меня не заставлял, – либо я уже спала, либо шлялась где-нибудь у моря.

В промежутках между его приходами и уходами я листала мамины журналы и пыталась перечитывать любимые книги. Да только ничего не шло в мою голову, глаза бездумно скользили по строчкам – читать решительно не хотелось. В книгах описывались чужие приключения и тревоги, а мне хватало своих собственных. Настолько хватало, что пару раз я соблазнилась ванильным пирожным. Не для калорий, – для души. Смешно, но от сладкого, действительно, становится легче. От пирожного словно включается внутренний фонарик. Откусил разочек, и он уже начинает мигать. Вроде как не всё так плохо, старушка! Хвост трубой и выше нос! Смешно, конечно, но кусочек сахарного теста сравним с кусочком счастья. Хотя у всех, конечно, по-разному. Юлька, к примеру, счастлива тем, что недавно сделала новенькое тату,

а Вальке Митяевой поднимают настроение подаренные на Новый Год серёжки. Я тоже могла сделать тату и надеть серёжки, но мне казалось, что на меня это совершенно не подействует.

Со скуки и тоски я до того ошалела, что пару раз забрела к археологам. Неподалеку от Слоновьего холма они снова шурудили лопатами и совками – не то древнее поселение откапывали, не то могилы скифских воинов. Подобное я наблюдала не впервые. Приезжали сюда эти чудаки и раньше. Разбивали лагерь, расчерчивали все на участки, перетягивали полосатыми лентами и начинали монотонно пылить. Взрослые обычно командовали и размахивали руками, молодёжь – кто с прилежанием, а кто с ленцой – ковырялись в земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.